

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

Бигрузи Бухаринович Сулейманов

Заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале, кандидат исторических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Дагестан

E-mail: doktorb@yandex.ru

Национально-культурная автономия как форма самоопределения

Аннотация: право нации на самоопределение, которое преимущественно рассматривается как территориальное обособление вплоть до создания суверенного государства, имело во многих странах и регионах негативные последствия. В условиях глобализации связь с территорией значительно ослабевает, приводит к изменению национального состава, что, очевидно, может усилить напряженность между представителями разных национальностей. В таких условиях более актуальной представляется другая форма автономии – национально-культурная, создающая возможность реализовать права и законные интересы всех национальностей без территориальных претензий.

Ключевые слова: автономия, национально-культурная автономия, государство, нация, право нации на самоопределение, национально-государственное устройство, национально-правовая политика.

Bigruzi Bukharinovich Suleimanov

Head of Department of theory of state and law of the North Caucasian Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice in Makhachkala, Candidate of historical science, Associate professor, Honored lawyer of the Republic of Dagestan

National-Cultural Autonomy as a Form of Self-Determination

Annotation: the right of nations to self-determination, which is predominantly seen as a territorial separation, until the establishment of a sovereign state, in many countries and regions has brought about certain negative consequences. In the context of globalization, the link with territory is much diminished, leads to the change of the national structure that will likely increase tensions between representatives of different nationalities. In such circumstances, more relevant seems another form of autonomy – the national-cultural one, creating the opportunity to realize the rights and legitimate interests of all Nations without territorial claims.

Keywords: autonomy, national cultural autonomy, state, nation, right of nations to self-determination, national government, national legal policy.

Как известно, в многонациональном государстве проблемы национальных отношений относятся не только к числу острых, но и опасных, способных привести к негативным последствиям. История знает множество примеров, когда национальные противостояния приводили к распаду сильных государств, целых цивилизаций и, как следствие, к многочисленным жертвам, возникновению очагов напряженности. Помнятся и некоторые прогнозы, прозвучавшие в начале 1991 г., о возможном распаде СССР, которые не были восприняты всерьез. Г. Киссинджер предсказал развал СССР именно по причине обострения национальных конфликтов (армяно-азербайджанский, грузино-осетинский, осетино-ингушский и др.).

Из сказанного можно заключить, что национальные отношения и сегодня во многих регионах мира продолжают оставаться весьма актуальными. Думается, что это относится и к нашему региону, и к России в целом. Произвольные переселения в силу различных причин, необоснованные репрессии в отношении целых народностей, искусственные сближения в различные общности в противовес нациям и народностям, декларативные реабилитации, не сопровождавшиеся необходимыми механизмами обеспечения прав других народов, предопределяют остроту нынешних национальных отношений. Межэтнические конфликты, берущие начало со времен Советского Союза, в лучшем случае законсервированы, а в худшем — продолжают тлеть. Наблюдаются элементы конкуренции между представителями разных этносов. В таких условиях представляется целесообразным наличие определенных форм выражения «национального»: с одной стороны, законных требований, а с другой — позволяющих идентифицировать субъекта как носителя этнической культуры, языка, традиций и т. д. При этом должно быть исключено противоречие между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности государства. Не допускается также обеспечение прав и интересов за счет ущемления или умаления прав, свобод и интересов других этносов. Иными словами, реализация и защита атрибутов национального (языка, традиции и т. п.) не должны ограничивать права представителей других национальностей и ставить вопросы, связанные с территориальной целостностью государственного образования.

Обозначенные условия выражения национальной культуры, языка, традиции могут быть востребованы в период глобализации. Очевидно, что с развитием международных отношений, унификацией целых сфер социальной жизни (торговли, образования, транспорта и др.), открытием границ набирает обороты процесс переезда в другие регионы и государства. Речь идет и о массовой эмиграции, особенно в Европу из других регионов земного шара. Безусловно, многие мигранты желают сохранения национальной и религиозной идентичности, для чего нужны как формы, так и гарантии, не вступающие при этом в противоречия с интересами местного населения.

Однако исторический опыт развития национальных и межнациональных отношений показывает, что практика реализации прав народов, этнических групп не всегда приводила к желаемым результатам. Не последнюю роль в этом сыграли господствующие теоретические подходы, официальные доктрины и государственная политика в сфере национальных отношений. В период

империи многие образованные люди, представители верховной власти разделяли народы на культурные и дикие, на достойные иметь свое самоуправление (элементы государственности) и не дошедшие до уровня цивилизации, государственности и т. п. Можно признать, что эти идеи, как и дефекты национально-государственной политики того периода нашей истории в силу различных причин, в том числе из-за значительной временной отдаленности, не оказывают существенного влияния на современное состояние национальных отношений.

Другое дело советский период. Фактически нынешнее национально-государственное устройство нашей страны во многом основывается на базовых моментах устройства СССР. Сильны и теоретические установки того периода. Так, проблемное поле национальных отношений обозначалось термином «национальный вопрос». «"Национальный вопрос" — это, прежде всего, отношения национального неравноправия, деления наций (рас, племен, религиозных групп и т. п.) на привилегированные и неполноправные, на великодержавные и угнетенные, колонизированные», — отмечалось в одном официальном издании¹. Другая сторона национального вопроса, «являющаяся, по общему правилу, неизменным спутником, а в значительной мере и прямым результатом первой, — это неравенство уровней экономического и культурного развития различных наций...»². Конечной целью марксистско-ленинской национальной политики являлось «всестороннее сближение и слияние нации»³, формирование новой общности — советского народа. Базовыми принципами национальной политики считались полное равенство всех граждан и право нации на самоопределение⁴.

В первых же актах советской власти была отражена идея права нации на самоопределение, вплоть до государственного отделения и образования национального государства, утверждалась суверенность всех — больших и малых — наций и народностей. В СССР существовало четыре типа автономных образований: союзные и автономные республики, а также автономные области и национальные округа. Первые серьезные конфликты на межнациональной почве привели к пересмотру догматических положений, а впоследствии и их переоценке.

В 1989 г. на сентябрьском пленуме ЦК КПСС были названы и причины обострения межнациональных отношений: отставание теоретической мысли, догматизм, начертничество, пропаганда научно-несостоятельной теории «слияния наций»⁵. Это подхватили и представители научной общественности: «Цель ленинской национальной политики, — писал О. А. Белков, — объяснить очень просто: обеспечить взаимодействие, взаимопомощь и сотрудничество всех народов во имя достижения социального прогресса. А вот где механизм достижения этой цели — вопрос, противоречивый и проблемный»⁶. М. В. Румянцев отмечал, что «состояние межнациональных отношений в нашей стране требует радикальных перемен. И это закономерно, т. к. интересы дальнейшего

¹ Национальные отношения и государство в современный период / отв. ред. В. М. Чхиквадзе. М., 1972. С. 25.

² Там же.

³ Там же. С. 29.

⁴ См. Там же. С. 32.

⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сентября 1989 г. М., 1989.

⁶ Цит. по: Бромлей Ю. В. О разработке национальной проблематики в свете решений XIX партконференции // Советская этнография. 1989. № 1. С. 24.

совершенствования и развития демократии, всей системы социалистического самоуправления народа требуют консолидации разных наций и народностей в интересах перестройки»¹. Несправедливым считалось и отсутствие у некоторых народов национальных образований: «Из более чем 130 наций и народностей, проживающих официально в СССР, только 53 имеют национальные образования. Конечно, это неправильно»². А процесс сближения наций был признан длительным и постепенным, естественно, — историческим. Таким образом, догматическое учение, столкнувшись с реальностью, начало эволюционировать. Появилась острая потребность в новых подходах, идеях, формах. К их числу можно отнести национально-культурную автономию, которую одновременно можно признать и формой самоопределения.

Надо сказать, что идея о национально-культурной автономии возникла еще в XIX в. в европейской, а точнее в австрийской социальной мысли. Она впервые была выдвинута Австрийской южнославянской социал-демократической партией на страницах пражского журнала «Akadeiker»³. В какой-то степени это можно признать закономерностью. В тот период в Австро-Венгрии проживало множество нации и народностей; иные формы автономии, связанные с принципом территориальности, могли привести к значительным потрясениям.

Наиболее видными представителями теории национально-культурной автономии были К. Реннер и О. Бауэр, хотя независимо от них аналогичные взгляды с некоторыми вариациями возникли также и у словенских социал-демократов (Э. Кристан и др.). Однако заслуга ее обоснования принадлежит Карлу Ренеру (Шпрингеру). Одна из центральных его идей гласит, что территория, земля, в тот или иной исторический момент принадлежащая нации, не имеет значения для национального сознания. Он предлагал понимать нацию как особого рода общественный персональный союз. По его мнению, персональный принцип отрицает не территорию вообще, а исторические территории, лишь фетиш областных делений, уничтожение, отрицание исторически-территориальных традиций — вот главная задача персонального принципа⁴.

Наиболее полно указанная теория сформулирована О. Бауэром: «Все нации, где бы они ни жили, всегда составляли бы корпорации, самостоятельно заведующие своими национальными делами. В одном и том же городе жили бы рядом, друг другу не мешая, две или несколько наций, которые спокойно развивали бы формы своего национального самоуправления, строили бы свои образовательные учреждения...»⁵. Австро-марксисты не были до конца после-

¹ Румянцев М. В. Современная национальная политика КПСС (достижения, проблемы, поиск) // Национальная политика КПСС: исторический опыт, противоречия и проблемы перестройки : межвуз. сборник науч. трудов. Чебоксары, 1990. С. 6.

² Пономарев К. А. Платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» и некоторые вопросы национально-государственного строительства в автономных республиках Волго-Вятского региона // Национальная политика КПСС: исторический опыт, противоречия и проблемы перестройки : межвуз. сборник науч. трудов. Чебоксары, 1990. С. 18.

³ См.: Дебаты по национальному вопросу на Брюннском партайгате // Интернациональная социал-демократия и борьба национальной Австрии : пер. с нем. Киев; СПб., 1907. С. 49.

⁴ См.: Шпрингер Р. Национальная проблема. СПб., 1901. С. 16, 54. См. также: Кутафин О. Е. Российская автономия. М., 2006. С. 707; Кульчитский К. Автономия и федерация в современных конституционных государствах. М., 1907. С. 128.

⁵ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. М., 1909. С. 368.

довательными в обосновании своей точки зрения или допускали смещение территориальной автономии, элементов федерации (двухпалатный парламент) и собственно национально-культурной автономии как экстерриториальной публичной корпорации, да еще с элементами международного характера¹.

Ф. Ф. Косошкин указывал, что «автономия есть необходимый в представительном государстве порядок издания местных законов, она нужна там, постольку и в тех пределах, где, поскольку и в каких пределах нужны местные законы»². Однако автор допускал возможность не территориальной автономии. «Но нужно помнить, что автономия и вообще та или иная форма децентрализации не является единственным средством для этой цели (удовлетворение потребностей самоопределения), что культурное самоопределение национальностей может пойти не только по пути территориальной децентрализации»³.

Некоторые исследователи обозначали национально-культурную автономию иначе. Так, М. Я. Лазерсон применяет термин «персональная автономия». При ведении персональной автономии следует считаться не с границами областей, а с численным составом каждой отдельной национальности. Каждой отдельной национальности, состоящей из лиц, признававших себя принадлежащими к ней, и следует предоставить право на национальное самоуправление, право на автономию⁴.

Были сторонники и более радикальных мер. По мнению Г. Новоторжского, у каждого народа должна быть своя армия для защиты народных прав, только при этом условии всякая автономия будет иметь действительную ценность⁵. Конечно, такая автономия вряд возможна в рамках одного государства.

«Национальная автономия есть не что иное, как национальное управление. При этом нация самоуправляется лишь в той области вопросов, в которой проявляется национальная жизнь как таковая, то есть в области культурных вопросов. Этим ограничивается ее компетенция», — отмечает другой дореволюционный исследователь В. Медем⁶.

О национально-культурной автономии высказывались и после Октябрьской революции. Прежде всего, о ней писали руководители государства, которые одновременно являлись и теоретиками по национальному вопросу.

В. И. Ленин в своих произведениях выступает как сторонник права на самоопределение, отмечая, что «закрепить национализм в известной, «по справедливости» отграниченной сфере, «конституировать» национализм, разгородить крепко и прочно все нации между собой посредством особого государственного учреждения — вот идейная основа и содержание культурно-национальной автономии. Эта мысль насквозь буржуазная и насквозь ложная. Никакого закрепления национализма пролетариат поддерживать не может»⁷. Безусловно, Ленин придавал большее значение вопросам классовой борьбы, экономическому детерминизму, нежели национальным отношениям. Он ука-

¹ См.: Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия в РФ. М., 2003. С. 23.

² Косошкин Ф. Ф. Областная автономия и единство России. М., 1995. С. 3.

³ Его же. Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 3.

⁴ См.: Лазерсон М. Я. Автономия и федерации. Пг., 1917. С. 27.

⁵ См.: Новоторжский Г. Национальный вопрос: автономия и федерация. М., 1906. С. 22.

⁶ Медем В. Социал-демократия и национальный вопрос. СПб., 1996. С. 54.

⁷ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 131–132.

зывал, что если экономика сплачивает живущие в одном государстве нации, то попытка разделить их раз навсегда для области культурных и в особенности школьных вопросов нелепа и реакционна¹.

Не менее определенно выступал и другой признанный теоретик по национальным отношениям И. В. Сталин. В частности, он писал, что национально-культурная автономия — это идея, направленная на разрушение единства рабочего класса национальными перегородками².

Очевидно, после таких оценок национально-культурная автономия не могла рассматриваться как реальный проект. Это и предопределило ограниченный или отрицательный интерес ученых, политиков, иных лиц к возможностям национально-культурной автономии. Т. Хабриева справедливо отмечает, что «хотя сам термин «национально-культурная автономия» появился в конце XIX века, теоретическая разработка этой проблемы практически не велась»³.

На наш взгляд, такая разработка необходима. Даже при поверхностном анализе или прочтении самого названия можно заметить, что «национально-культурная автономия» прямо не связана с территорией. Существует несколько видов автономии, в том числе и национально-территориальная. Национально-культурная автономия в известной степени противопоставляется национально-территориальной. Как отмечает В. Е. Чиркин, национально-культурная автономия не является территориальным объединением и не может быть отнесена к формам политико-территориального устройства⁴.

Верными представляются и слова Р. Г. Абдулатипова о том, что национальная политика не должна строиться на абсолютизации идеи формирования национальной государственности. «Мы считаем, что все народы Российской Федерации, независимо от численности, имеет свою государственность, коллективную защиту, прежде всего в лице Российского государства. Однако отдельные элементы собственной государственности будут функционировать и должны функционировать для тех или иных народов, которые уже исторически сложились». Далее ученый особо подчеркивает: «Наличие или отсутствие государственности не должно повысить или понизить статус и возможности самого народа и, прежде всего, возможности реализации его этнической самобытности»⁵.

В отличие от национально-культурной автономии, реализация территориального самоопределения может натолкнуться на ряд трудностей. Достаточно часто в многонациональных государствах народности, исторически проживавшие на территориях, в силу разных причин оказываются в меньшинстве. Такое положение наблюдается и в современной России. Так, по переписи населения 2010 г. в Российской Федерации проживают представители 180 народов, общая численность которых достигает 142 млн человек. Указанные народы подразделяются на титульный (русский), коренные (титульные) народы субъектов Федерации и коренные малочисленные народы регионов и нацменьшинств⁶.

¹ См.: Ленин В. И. О «культурно-национальной автономии» // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 175.

² См.: Сталин И. В. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 2. М., 1949. С. 290–369.

³ Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия. Современные вопросы правового регулирования // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 5–15.

⁴ См.: Чиркин В. Е. Государствоведение. М., 2002. С. 159.

⁵ Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета. М., 1995. С. 187.

⁶ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. : в 11 т. Т. 1 : Численность и разнообразие.

Очевидно, что формы самоопределения у этих народов могут быть различными. В частности, как правильно замечено в научной литературе, русская нация, составляющая более 80 % ее населения, считает в целом Российскую Федерацию формой своего самоопределения, а гарантией же территориального самоопределения признается вся национальная территория, на которой они проживают. В отдельных регионах коренные титульные народы не составляют большинство. Весьма интересно и то, что в четырех автономных округах лица коренной национальности составляют не более 10 %, а в Еврейской автономной области — 1,2 %¹. Очевидно, что в таких случаях попытки реализовать территориальные автономии могут привести к межэтническим столкновениям и даже гражданской войне. Думается, такая перспектива не в интересах ни одного народа. Однако и в новейшей истории нашего государства были попытки преодолеть ошибки прошлого посредством территориальной реабилитации, в частности, путем принятия Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов»², который признается дефектным даже его авторами. «Этот акт был принят под давлением различных сил, и если бы он не был принят, конфликты начались бы раньше»³, — пишет Р. Г. Абдулатипов, в тот период занимавший должность Председателя Совета национальности Верховного Совета РСФСР. Прежде всего, данный Закон характеризуется низкими технико-юридическими особенностями. В преамбуле говорится, что обновление советского общества в процессе его демократизации и формирования правового государства в стране «создало благоприятные возможности по реабилитации репрессированных в годы советской власти народов, которые подвергались геноциду и клеветническим нападениям». Конечно, такая оценка во многом спорна. Самое главное, это измененный вариант положения (причем более корректного), перенятого из другого, союзного акта⁴.

Но самое интересное то, что в ст. 6 указывалось, что «территориальная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление на основе их волеизъявления правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения». Как видим, ничего не говорится об общностях, образованиях, которые сформировались после насильственных изменений.

Так же может быть оценена и ст. 8: «Политическая реабилитация репрессированных народов, не имевших своих национально-государственных образований, означает их право на свободное национальное развитие, возвращение в места прежнего проживания на территории РСФСР, обеспечение им равных с другими народами возможностей в осуществлении своих политических прав и свобод, гарантированных действующим законодательством». Эти положения привели к негативным последствиям. В частности, лица, которые проживали

¹ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. : в 11 т. Т. 1 : Численность и разнообразие. С. 93–94.

² См.: Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 18, ст. 572, 573.

³ *Абдулатипов Р.* Указ. соч. С. 189.

⁴ См.: Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» : постановление Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 г. № 2013-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 23, ст. 449.

на территории тех народов, которые подверглись необоснованному переселению, оказались в двойственном положении. С одной стороны, они находились на территории, в домах других лиц, с другой стороны, сами также были насильственно переселены на эти территории. Уже в мае 1991 г. во многих регионах, в том числе в Дагестане, прошли массовые митинги, в которых и репрессированные, и переселенцы возмущались положениями закона, отсутствием реального механизма его реализации. Представители дагестанских народов указывали на недопустимость занятия населенных пунктов и жилых помещений в явочном порядке, без учета интересов других лиц.

Сегодня исследователи замечают очевидные погрешности Закона. «Он не содержит комплексного правового инструментария, позволяющего применить механизм реабилитации к каждому незаконно репрессированному народу максимально эффективно, в соответствии с его представлениями о правовой природе социального и правового государства»¹.

Итак, можно заключить, что проблемы национально-культурной автономии актуальны и сегодня. Современные и относительно недавние события на Северном Кавказе, в Закавказье, на Балканах, которые могут быть названы гражданской войной, были связаны именно с национально-территориальной принципом государственного устройства, суть которого в том, что каждая национальность должна иметь свою государственно-территориальную автономию². Все это позволяет нам сделать вывод о некоторых преимуществах национально-культурной автономии. В частности, необязательно связывать расцвет своей национальности с территориальностью. «Кроме того, важно учесть, что существуют разные формы самоопределения. Мы же замкнули свое сознание лишь на национально-территориальной автономии в смысле отделения и образования самостоятельных государств»³. Однако такой путь невозможен без переоценки некоторых подходов и даже идеалов. Изменение и переоценка подходов, установок станет реальностью при наличии множества обстоятельств и условий, которые возможны только в рамках проведения научно обоснованной и системной правовой политики в сфере национальных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева, Л. Н. Российская идентичность: правовые условия формирования // Журнал российского права. — 2015. — № 2. — С. 16–25.
2. Кутафин, О. Е. Российская автономия / О. Е. Кутафин. — М. : ТК Велби : Изд-во «Проспект», 2006. — 768 с.
3. Национальные отношения и государство в современный период / Д. А. Гайдуков и др.; отв. ред. В. М. Чхиквадзе. — М. : Наука, 1972. — 431 с.
4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сентября 1989 г. — М.: Политиздат, 1989. — 255 с.
5. Румянцев, М. В. Современная национальная политика КПСС (достижения, проблемы, поиск) // Национальная политика КПСС: исторический опыт, противоречия и проблемы перестройки : межвуз. сборник науч. трудов. — Чебоксары, 1990. — С. 6–17.

¹ Васильева Л. Н. Российская идентичность: правовые условия формирования // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 16–25.

² См.: Ямалов Р. К. Идея национально-культурной автономии: историко-социологический аспект : дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1994. С. 3.

³ Абдулатипов Р. Указ. соч. С. 190.

6. Хабриева, Т. Я. Национально-культурная автономия. Современные вопросы правового регулирования // Журнал российского права. — 2002. — № 2. — С. 5–15.

References

1. Khabrieva, T. Ia. Natsionalno-kulturnaia avtonomiia. Sovremennye voprosy pravovogo regulirovaniia [A national-cultural autonomy. Contemporary issues of legal regulation] // Zhurnal rossiiskogo prava. — 2002. — № 2. — P. 5–15

2. Kutafin, O. E. Rossiiskaia avtonomiia [Russian autonomy] / O. E. Kutafin. — M. : TK Velbi : «Prospekt», 2006. — 768 p.

3. Materialy Plenuma Tsentralnogo Komiteta KPSS, 19–20 sentiabria 1989 g. [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, September 19–20, 1989] — M.: Politizdat, 1989. — 255 p.

4. Natsionalnye otnosheniia i gosudarstvo v sovremennyi period [National relations and the state in the modern period] / D. A. Gaidukov et al.; editor-in-chief V. M. Chkhikvadze. — M. : Nauka, 1972. — 431 p.

5. Rumiantsev, M. V. Sovremennaia natsionalnaia politika KPSS (dostizheniia, problemy, poisk) [Modern national policy of the CPSU (achievements, problems, search)] // Natsionalnaia politika KPSS: istoricheskii opyt, protivorechiia i problemy perestroika [The national policy of the CPSU's historical experience, the contradictions and problems of adjustment]: An intercollege collection of scholarly works. — Cheboksary, 1990. — P. 6–17.

6. Vasileva, L. N. Rossiiskaia identichnost: pravovye usloviia formirovaniia [Russian identity: the legal conditions of formation] // Zhurnal rossiiskogo prava. — 2015. — № 2. — P. 16–25.